

Академия наук и ее роль в создании коронационного альбома императрицы Анны Иоанновны

Стецкевич Елена Сергеевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры истории и политологии

Кандидат исторических наук, доцент

esstetskevich@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается история создания иллюстраций к коронационному альбому императрицы Анны Иоанновны. На основе архивных материалов проанализирована роль Академии наук в их подготовке. Сделан вывод о том, что при создании первого в истории России иллюстрированного коронационного альбома был накоплен значительный опыт, учтенный впоследствии при работе над коронационным альбомом Елизаветы Петровны. Иллюстрации альбома отразили основные моменты коронационной церемонии Анны Иоанновны и впервые запечатлели коронационные регалии как самостоятельную ценность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Академия наук, Анна Иоанновна, первая половина XVIII в., коронация, коронационный альбом, рисунки, гравюры

Stetskevich E. S.

The Role of Academy of Science in the Creation of Empress Anna Ioannovna Coronation Album

Stetskevich Elena Sergeevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of History and Political Science

PhD in History, Associate Professor

esstetskevich@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the process of making the illustrations for the coronation album of empress Anna Ioannovna. Using archive materials, the author analyses the role of the Academy of Science in the formation of album and preparation of coronation prints. It is possible to say that without work of engravers, connected with the Academy of Science, the production of album was impossible. The experience of composition of the first coronation album was very important. The illustrations of the album reflected the main moments of the coronation ceremony of empress Anna Ioannovna and its composition became the example for future albums.

KEYWORDS

Academy of Sciences, Anna Ioannovna, the first half of XVIII century, the coronation, the coronation album, the drawings, the engravings

В течение XVIII столетия в Российской империи сложилась традиция создания коронационных рисунков, гравюр, живописных полотен, а также альбомов, объединявших в себе как текст описания церемонии, так и гравированные иллюстрации. Из восьми императоров, возшедших на престол в XVIII в., коронованы были шестеро — Екатерина I как супруга Петра Великого, Петр II, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина Великая и Павел I. Коронация Екатерины I (1724) была

зафиксирована лишь в тексте «Описания коронации Ее Величества Императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в Царствующем граде Москве 7 Майя 1724 году» (СПб, 1724 г.; М., 1725 г.), поскольку в тот момент больших возможностей для создания репрезентативных гравюр в России еще не существовало. Коронация Петра II (1728) отражена в чине коронации и великолепных рисунках архитектора и художника Хр. Марселиуса (1656–1731) [6]. После коронаций Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны были изданы роскошные коронационные альбомы, в создании которых самое непосредственное участие принимала Академия наук.

В 1990-е — начале 2000-х гг. коронационным альбому было посвящено несколько публикаций. Среди них следует особо выделить статьи М. А. Алексеевой [3], Н. К. Марковой [7], И. В. Тункиной [15], освещающие разные аспекты их создания. Однако эти же авторы сочли необходимым отметить, что альбомы все еще изучены недостаточно [7, с. 5; 3, с. 239]. Даже в новейших публикациях до сих пор встречаются неточности, обусловленные недостаточным знанием условий, в которых создавались иллюстрации к коронационным альбому в стенах Академии наук.

Так, невозможно согласиться со сведениями, приведенными в статье Г. А. Миролюбовой, относительно издания коронационного альбома Анны Иоанновны. Академический библиотекарь И. Д. Шумахер, являвшийся фактически вторым лицом в Академии наук после президента, данным автором причислен к академическим граверам. Академическая Рисовальная палата вопреки утверждению Миролюбовой не имела отношения к созданию коронационных рисунков для альбома Анны Иоанновны, поскольку они привозились из Москвы и в Петербурге дорабатывались академическими граверами. Тираж коронационного альбома был значительно выше, чем указанные этим автором 500 экз. [10, с. 334, 342, 343].

«Описание коронации Ея Величества Императрицы и Самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году» было издано на двух языках. Русское издание датировано 1730 г., отпечатано в Москве в типографии при Сенате, имеет фронтиспис — императорский портрет и 14 (иногда 15) листов иллюстраций [13, с. 356–357]. В немецкое издание, датированное 1731 г. и отпечатанное в Санкт-Петербурге, были добавлены две гравированные заставки.

Роль Академии наук в создании коронационного альбома Анны Иоанновны до настоящего момента практически не изучалась, поэтому ниже приведены наиболее подробные сведения о создании этого дорогого издания. Пять месяцев спустя после коронации Анны Иоанновны, 29 сентября 1730 г., в Петербург было доставлено письмо В. Н. Татищева (1686–1750), которым Академия наук извещалась об устном указе императрицы и соответствующем решении Сената о создании коронационного альбома. Татищев принадлежал к наиболее образованному слою русского дворянства, сложившемуся в первой четверти XVIII в. Получив хорошее образование в России, он неоднократно бывал в Западной Европе, не был чужд наукам и искусствам, и хорошо известен как создатель «Истории российской с самых древнейших времен». Был востребован на государственной службе, с 1727 г. служил в Монетной конторе (затем канцелярии), а в 1730 г. возглавил ее.

В период воцарения Анны Иоанновны на русском престоле Татищев оказался в самой гуще событий, связанных с приездом новой государыни в Москву, уничтожением «кондиций» и с организацией ее коронации. Именно он написал проект, поданный в Верховный тайный совет 5 февраля 1730 г. от кружка кн. А. М. Черкасского, а в ключевой день — 25 февраля зачитывал дворянскую челобитную в Кремле. Оба документа преследовали одну цель — не допустить сосредоточения всех нитей власти, прежде всего законодательной, в руках Верховного тайного совета. Анна Иоанновна, почувствовав поддержку дворянства, 25 февраля 1730 г.

смогла разорвать «кондиции», ограничивавшие ее власть, и затем короновалась как самодержавная правительница [4, с. 189–190; 5, с. 45].

В первые месяцы своего правления императрица опиралась на людей, принявших ее сторону и поддерживавших в самое трудное начальное время. Во время коронации Татищев исполнял функции обер-церемониймейстера и, по-видимому, столь хорошо справился со своими обязанностями, что получил повышение в чине, став действительным статским советником [11, с. 27]. Конечно, он в деталях знал все подробности состоявшегося обряда (этапы коронации, место действия, участников шествий, расположение людей, внешний вид коронационных регалий и пр.). Также он был хорошо знаком с представленным в Сенат текстом описания церемонии, содержащим ссылки на соответствующие иллюстрации, которые было необходимо подготовить.

С 1727 г. в Академии наук работала самая крупная типография в России, способная напечатать любое издание не только на русском, но и на многих иностранных языках. В академических художественных мастерских, появившихся на рубеже 1720–1730-х гг., работали искусные граверы (мастер портретного жанра — Х. А. Вортман (1692–1760), гравер проспектов О. Эллигер, резчик литер и карт — Г. И. Унферцагт (1701–1767)), а также известные художники Г. Гзелль (1673–1740) и М. Д. Гзелль (1678–1743), вокруг которых постепенно сформировался круг талантливых учеников. Таким образом, в Академии существовали все необходимые условия для подготовки гравированных иллюстраций.

Уже в первом письме Татищев известил Академию наук, что описание коронации Анны Иоанновны на русском языке будет издано огромным для того времени тиражом в 1200 экз., причем 50 альбомов с раскрашенными иллюстрациями предназначались для поднесения самой императрице [8, с. 642–644, 663]. Текст описания планировали напечатать в Москве. Гравюры следовало выполнить и отпечатать в Петербурге в мастерских Академии наук по рисункам, присланным из Москвы. Затем их надлежало отправить обратно в Москву, где их собирались переплести вместе с текстом описания [8, с. 642–643, 645–646]. Соответствующий указ был принят Сенатом 12 октября 1730 г.¹

Следует отметить, что Татищеву не сразу удалось установить тот темп работы над коронационными иллюстрациями, который его устраивал. В силу достаточно сложной доставки почты из Москвы в Петербург и обратно на первых порах он вовремя не получал ответов на свои письма, сердился, упрекал библиотекаря Шумахера в промедлении, грозил Академии гневом императрицы [8, с. 657, 660]. Но после притирки, получения Академией всех рисунков, начала гравирования и установления научных связей между Татищевым и Академией наук тон его писем заметно смягчился. Подобно многим современникам он постоянно и с удовольствием получал научные издания Академии, переписывался с членами Академии наук — И. Г. Гмелиным, Т. З. Байером, посылал в Петербург рисунки редкостей из мира природы [8, с. 689–691; 9, с. 62–63, 132–133].

В первом письме Татищева был приведен полный реестр всех необходимых иллюстраций, которые должны были отразить ключевые моменты церемонии. Особое внимание уделялось императорскому портрету, коронационным регалиям, местам, где проводился обряд, и двум самым главным его моментам — процессии коронования (торжественному шествию из Кремлевского дворца в Успенский собор), а также внутреннему виду Успенского собора с изображением сцены коронования. Однако даже спустя полгода после церемонии Татищев был вынужден констатировать, что не все рисунки готовы [8, с. 642–644].

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 942. Л. 70.

Первыми в Петербург были доставлены рисунки коронационной мантии, процессии коронования, внутреннего вида Успенского собора с изображением сцены коронования, большой и выходной (малой) корон, цепи и креста ордена Андрея Первозванного, а также часть отпечатанных листов описания [8, с. 647–648]. Затем мелкими партиями в столицу доставлялись 7 листов описания и 2 чертежа; 2 листа и 2 чертежа. Так постепенно были присланы: план Успенского собора с подробным указанием, что и где находилось в соборе, где стояли участники церемонии и приглашенные лица; рисунки многоцветной иллюминации, зажженной перед домом императрицы; застежки коронационной мантии; персидских кресел, на которых «государи издревле коронуются»; сосуда миропомазания и стручца; скипетра, державы, жезлов обер-маршала и маршалов; герольдмейстера «в его убранстве»; план Грановитой палаты с расшифровкой мест, указанных на нем. Все рисунки и чертежи по указанию Анны Иоанновны надлежало в полной сохранности вернуть обратно в Москву [8, с. 659–661, 662, 666, 677–678, 684]. К 12 ноября в Академии наук они были отданы в работу мастерам, за исключением портрета императрицы, еще неоконченного художником Л. Каравакком (1684–1754). [8, с. 678, 682].

В письмах Татищев скрупулезно комментировал все недочеты, встречающиеся в рисунках. Так, например, он признавался, что процессия коронования «за поспешностью рисующего в лицах и телах весьма неискусна». Тот же недостаток имело и изображение внутреннего вида церкви Успения Богородицы [8, с. 642]. На звезде ордена Св. Андрея Первозванного поле «под крестом... сделано красное, а имело быть золотое». Лента этого ордена была нехорошо оттенена, выходная корона расцвечена наполовину «для скорости», цепь ордена Андрея Первозванного расцвечена, «только ездов в орле надлежал быть белый», «сосуд (для хранения святого мира — Е. С.) в краткости отделать не успели». В каждом необходимом месте давались словесные описания, что следует сделать и каким образом изобразить, вплоть до указания, где расположены бриллианты на кресте ордена св. Александра Невского и сколько в них карат [8, с. 642–643; 647–648, 666].

В настоящий момент известны авторы лишь нескольких рисунков, на основе которых в Академии наук были созданы гравюры. Портрет императрицы для фронтисписа коронационного альбома был создан придворным живописцем Л. Каравакком (1684–1754). Рисунок с изображением коронационной процессии Анны Иоанновны выполнен художником Марселиусом, находившимся на рубеже 1720–1730-х гг. в Москве. Подпись под рисунком свидетельствует о том, что на момент создания его автору было 74 года¹. Вероятно, этим обстоятельством объясняются недочеты в рисунке коронационной процессии, отмеченные Татищевым. Возможно, в силу возраста или болезни мастер был уже не в состоянии работать с необходимой скоростью, а, может быть, ему просто не предоставили для этого времени. Однако подчеркнем, что двумя годами ранее именно Марселиус выполнил прекрасные рисунки, запечатлевшие этапы коронации Петра II [3, с. 233]. В его рисунках 1728 г. трудно найти изъяны в перспективе (по образованию и роду деятельности Марселиус был архитектором), точности изображения и даже портретном сходстве.

Архитектор И. Я. Шумахер (1701–1767) сделал рисунок для заставки с изображением объявления (прокламации) о коронации [12, стб. 206]. Вопрос о том, кто выполнил другие рисунки коронационной церемонии в Москве, до сих пор остается открытым. К сожалению, сами рисунки пока не обнаружены в архивах.

Для обсуждения изображений, доставленных в столицу, в Академии наук составили консилиум из самых сильных работавших на тот момент мастеров — Вортмана, Эллигера, Гзелля. Они единодушно признали, что рисунки самых сложных в компо-

¹ Отдел рукописей библиотеки РАН. Ед. хр. 30.2.53/16.

зиционном отношении изображений — коронационной процессии и сцены коронования внутри Успенского собора надлежит сделать заново, «ежели от той работы честь иметь». Гзелль высказал пожелание иметь хотя бы некоторое описание «главнейших особ», «особливо тех, которые наперед стоят»; хотя бы описание «их талий, чтоб было сходство и подобие», а иллюминировку (раскрашивание гравюр акварельными красками — *Е. С.*) производить в Москве, поскольку здесь никто не знает ни интерьера Успенского собора, ни цвета платьев [8, с. 656]. Татищев был вынужден ответить, что исправление сложных «проспектов», а также изображений «отменных персон» он передает «в лучшее рассмотрение и исправление академии» [8, с. 663].

Очевидно, что в Москве не было возможности выполнить все надлежащим образом. Кроме того, медлить с подготовкой коронационного альбома было опасно и невозможно, поскольку императрица постоянно торопила Татищева. В Академии наук исправлять погрешности рисунков, присланных из Москвы, пришлось именно граверам. В частности, рисунок коронационной процессии, первоначально исполненный Марселиусом, был исправлен гравером Эллигером, причем на готовой гравюре, вошедшей в альбом, указано его авторство как рисовальщика и гравера [2, с. 67; 3, с. 233–234]. Сведений о том, принимал ли какое-либо участие в исправлении коронационных рисунков Гзелль, почти постоянно занятый работой при императорском дворе, в настоящий момент не найдено. Однако не приходится сомневаться, что его авторство в случае работы над каким-либо из рисунков было бы обязательно указано на гравюрах.

Некоторые трудности в Академии наук вызвало изображение ордена св. Александра Невского, учрежденного в 1725 г. Екатериной I, и по всей вероятности, еще мало известного. Возможно, поэтому мастера Академии наук собирались рисовать «портрет святого Александра, который в кресте ордена находится» по тому изображению (иконе(?)) — *Е. С.*, что «находится в Невском монастыре» [8, с. 657]. На самом деле в круглом медальоне креста ордена было помещено изображение скачущего всадника в профиль, не предусматривавшее портретного сходства. В Академии также отсутствовал рисунок, изображающий звезду ордена Александра Невского. В конце концов, выход нашли следующий — «у обретающегося» в Петербурге кавалера звезда ордена св. Александра была срисована по модели и отдана в гравирование [8, с. 682, 689–690].

В ноябре 1730 г. в Академии наук начали переводить текст описания коронации на французский и немецкий языки, которые затем были отправлены в Москву на апробацию к вице-канцлеру, графу А. И. Остерману, курировавшему от Сената создание альбома. Издания на иностранных языках предполагали раздать послам и отправить к европейским дворам [8, с. 659–660, 664]. Следует отметить, что представителями иностранных государств коронация Анны Иоанновны была оценена очень высоко. Все они знали о неудачной попытке ограничения власти императрицы и обратили особое внимание на роскошь коронационной церемонии, вполне затмившей предшествующие события.

По мнению академических мастеров, три сложные гравюры требовали нескольких месяцев работы: коронационная процессия и сцена коронования в Успенском соборе — 2 мес., императорский портрет — 4 [8, с. 664–665]. Татищев, передавший императрице сведения о сроках работ, сослался на ее слова о том, что это «напрасное представление» и предостерег, «чтоб умедление не навело на академию гнева» [8, с. 682–683]. Нетерпение Анны Иоанновны было очень велико. Весьма характерно приказание Татищева в одном из писем: «поспешайте печатать, которое готово, и что напечатается, сюда присылайте немедленно», поскольку императрица часто «изволят спрашивать» [8, с. 680].

Круг граверов, работавших над созданием иллюстраций, известен достаточно хорошо. Наиболее сложные иллюстрации выполняли признанные мастера Грави-

ровальной палаты Академии наук — Вортман и Эллигер. Вортман работал над гравированным портретом императрицы (первый вариант, исполненный Эллигером, был признан непохожим на оригинал), вошедшим в альбом, и над сценой коронации в Успенском соборе [1, с. 74]. Эллигер выполнил гравюры с изображением коронационной процессии, фейерверка и две заставки с изображением объявления (прокламации) о коронации и праздника в Кремле [3, с. 235; 12, стб. 206]. В создании остальных иллюстраций, кроме мастеров, также принимали участие ученики Гравировальной палаты — И. А. Соколов (1717–1757), Г. А. Качалов (1711 или 1712–1759), Ф. А. Бернц (1709–1760), Ф. Е. Маттарнови (1714–1742), для которых эти работы служили и прекрасным учебным материалом [1, 74; 12, стб. 234–235].

Здесь необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство. В начале 1730-х гг. в Академии наук оказалось невозможным организовать работу по созданию гравюр к коронационному альбому, так как это было сделано позднее при создании коронационного альбома Елизаветы Петровны. В 1742–1745 гг. академический художник И. Э. Гриммель (1703–1758), возглавивший Рисовальную палату, не только перерисовал все рисунки, первоначально поступившие из Москвы в Академию наук, исправив недостатки в перспективе и изменив композиции ряда изображений. Он также вносил необходимые исправления в первоначальные варианты гравюр, что позволило в конечном варианте гравированных иллюстраций добиться необходимого совершенства [14, с. 110–111]. В 1730-е гг. в штате Академии наук работали только два художника — Георг и Мария Доротея Гзелль. Однако, очевидно, они не принимали участия в корректировке готовых коронационных гравюр, иначе невозможно объяснить явные огрехи в одной из иллюстраций с изображением сцены коронования Анны Иоанновны (неестественность позы новгородского архиепископа Феофана (Прокоповича), расположения рук императрицы, выражения ее лица).

Ранее прочих к 29 октября 1730 г. были готовы гравюры с изображением фейерверка, иллюминации и коронационной медали. Татищев признал, что «рисунки напечатанные... работы довольно годной» и хотя их можно было бы сделать еще совершеннее, но спешка не позволяла. Однако портрет императрицы на коронационной медали все-таки признали непохожим на оригинал, и Анна Иоанновна приказала исправить его художнику Каравакку [8, с. 657, 663, 665].

В случае одобрения готовых гравюр в Москве, испросив соответствующее позволение, в Академии приступали к печати необходимого количества экземпляров. Фактически это была первая столь ответственная работа для двора, где Академия могла себя проявить. Все трудности легли на плечи Шумахера, поскольку президент Академии Л. Блюментрост вместе с императорским двором находился в Москве. В Академии не хватало денег на самое необходимое, не было нужного количества бумаги и типографской краски. В этих условиях Татищев мог рекомендовать только одно — материалы «извольте, где можно брать, чтоб работа не медлилась» [8, с. 664–665, 683]. 28 ноября в Академию поступил указ из Правительствующего Сената, позволяющий расходовать академические суммы на печатание гравюр к коронационному альбому и получать необходимые материалы, если их не найдется в продаже, из Адмиралтейства. Расходы Академии Сенат собирался возместить после завершения всех работ¹. Шумахеру приходилось проявлять чудеса изворотливости, он покупал или доставал в долг, а счета затем отправлял в Москву, таким образом еще более ухудшая финансовое положение Академии наук [8, с. 665, 680].

Часть иллюстраций в Академии наук печатали на более плотной бумаге с тем, чтобы впоследствии их можно было иллюминировать. Иллюминовку 5 экземпляров, предназначенных для императорской семьи, было решено сделать в Академии наук, остальные раскрашивать в Москве, но с условием немедленной отправки от-

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 942. Л. 73.

печатанных гравюр из Петербурга [8, с. 663]. В Академии наук столь ответственную иллюминировку могли делать либо в Гравировальной палате, либо в мастерской Гзеллей. До сих пор сведений о конкретных исполнителях работ не обнаружено, но напомним, что ученики Гравировальной палаты — Соколов, Качалов, Бернц, Маттарнови — прекрасно владели техникой акварели. Сохранились многочисленные рисунки экспонатов Кунсткамеры, выполненные ими. В Академии в этот период также акварелью работали известная художница М. Д. Гзелль и ученик рисовального художества Анд. А. Греков (1711–1791) [14, с. 30–31, 98–99]. Вероятно, все эти ученики могли выполнить иллюминировку под присмотром М. Д. Гзелль.

По просьбе Татищева, прежде всего в Москву, отправляли готовые гравюры для переплета первых 500 экземпляров книг на русском языке, «а прочие со временем, ежели нужны будут», планировали «употребить к французскому, немецкому и остальным русским» экземплярам [8, с. 684]. Несмотря на постоянные окрики из Москвы работы подвигались медленно. В феврале 1731 г. Татищев посылает в Петербург два экземпляра описания коронации, просит переплести с гравюрами, когда те будут готовы, и прислать в Москву [9, с. 14]. Вероятно, речь идет о первых пробных книгах, которые Татищев надеялся полностью подготовить к годовщине коронационных торжеств, поскольку нетерпение императрицы все нарастало. Действительно, в конце марта 1731 г. он уже получает иллюминированные экземпляры гравюр, но, к сожалению, далеко не все необходимые номера иллюстраций и не для всех экземпляров пяти раскрашенных императорских альбомов [9, с. 37–38].

Готовые гравюры посылали в Москву с разными okazиями по частям [9, с. 37–38, 62–63]. Большие партии были отосланы в мае 1731 г., в соответствии с реестрами, которые сохранились в СПФ АРАН¹. Эти документы дают ясное представление о том, как именно продвигались работы. В общей сложности в мае было отправлено 3772 отпечатанных экземпляра гравюр. Некоторые номера гравированных иллюстраций были отосланы в количестве 500 экз., в частности — 500 императорских портретов, иных гравюр — 505 экз., других — 506 экз. Но среди всех остальных было послано только 79 экз. гравюр с изображением процессии коронования и ни одного экземпляра иллюстрации под № 13 с изображением сцены коронования². Вероятно, Вортман был вынужден первоначально завершить работу над коронационным портретом императрицы и только затем смог приступить к выполнению гравюры со сценой коронования.

В сентябре 1731 г. с ящиком в Москву посланы «кипки» (стопки) гравюр с сопроводительным письмом Шумахера, в котором содержалась просьба «на заставах господам командующим вышеписанные кипы не задерживать нимало, пропускать со всяким старанием»³. Наконец, в декабре 1731 г. отправлено еще 6288 гравюр, но снова ни одного экземпляра иллюстрации со сценой коронования⁴. Дело в том, что закончить работу академическим мастерам помешали непредвиденные обстоятельства — императорский двор запланировал переезд в Петербург. К возвращению Анны Иоанновны в столице построили триумфальные ворота, украшенные картинами, описание которых с гравированными иллюстрациями было необходимо срочно напечатать. Работу над гравюрами опять поручили Вортману и Эллигеру [9, с. 84]. 31 января 1732 г. Татищев все еще ждал гравюры к коронационному альбому, но императрица, приехав в столицу, увлеклась новыми развлечениями и приказала гравировать фейерверк и иллюминации, устроенные в день ее именин [9, с. 101–102].

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. Л. 232, 234–235.

² Там же. Л. 234–235.

³ Там же. Л. 270.

⁴ Там же. Л. 238–238 об.

Только в мае 1732 г. в Академии смогли закончить все работы по изготовлению иллюстраций к коронационному альбому. 11 мая в Сенат был представлен реестр с указанием общего числа отправленных в Москву к Татищеву гравюр — всего 12254 экз. и оставшихся на тот момент в Петербурге — 5846 экз. Представленный в Сенат перечень дает весьма четкое представление о том, над какими гравюрами в Академии работа шла быстрее всего, а какие вызвали наибольшие трудности или были начаты позднее в силу разных обстоятельств. Иллюстрации с изображениями фейерверка, иллюминации, большой короны, герольдмейстера и маршальских жезлов, коронационных медали и жетона, плана Грановитой палаты отосланы практически полностью. Императорских портретов отправлено только 500 экз., коронационной процессии — 386 экз., тогда как внутреннего вида церкви Успения Богородицы со сценой коронации послано только 2 экз., а 1198 экз. этой иллюстрации еще оставались в Петербурге. Каждая гравюра была отпечатана в количестве 1200 экземпляров. Общие затраты Академии, включая расцвечивание 5 экз. каждой иллюстрации для императорских альбомов были оценены в значительную сумму — 2590 руб. [9, с. 129–130]. Для сравнения приведем затраты Академии наук на создание коронационного альбома Елизаветы Петровны, изданного тиражом в 900 экз. на русском, французском и немецком языках с 49 иллюстрациями, а именно 15 368 руб.¹

Вопреки всем замыслам иллюминированные экземпляры внутреннего вида Успенского собора со сценой коронации Татищев также получит только весной 1732 г. 1 июня 1732 г. в Москве были наняты переплетчики, но дело опять остановилось, поскольку все еще не были присланы иллюстрации с изображением внутреннего вида церкви [9, с. 132–133, 135]. Шумахер заверил, что каждый раз с почтой будут присылать по 100 экз. отпечатков, чтобы «не тяготить почту», а заставки к немецкому изданию уже отданы мастеру в расцвечивание и затем будут отправлены в Москву².

Наконец в конце августа 1732 г. Татищев извещает Шумахера, что с нарочным посылает императрице некоторое число коронационных книг и просит с солдатом Монетной канцелярии на подводах прислать все оставшиеся гравюры в Москву, поскольку «повелено все 1200 книг неумедля переплесть»³ [Ср.: 9, с. 167].

Для немецкого издания гравюры были уменьшены, упорядочены, а изображение малой (выходной) императорской короны перенесено на отдельный лист. Современные исследователи отмечают, что в процессе переплета русского и немецкого вариантов альбомов иллюстрации были перепутаны [3, с. 234]. Именно поэтому в музеях и архивах встречаются альбомы с разным количеством гравированных иллюстраций (кроме портрета еще 14 или 15 листов), а в изданиях на русском языке шесть гравюр существуют в двух вариантах [13, с. 356–357].

Часть тиража коронационного альбома в сентябре 1732 г. была отправлена в Петербург к императрице, часть пущена в продажу [9, с. 178–179]. В том числе 150 книг было отправлено в Академию для продажи в книжной лавке. Цену, для того времени достаточно высокую, сообщил Татищев. Она составила 3 р. 50 коп. [9, с. 182]. Коронационный альбом сразу стал популярным изданием. Для частных лиц высокого уровня (обер-гофмейстера С. А. Салтыкова, фельдмаршала Я. В. Брюса и др.) специально подготавливали иллюминированные экземпляры [9, с. 179].

25 октября 1732 г. был издан указ Правительствующего Сената о возмещении затрат Академии наук в сумме 2590 руб. за 1200 экземпляров каждой гравюры для всего тиража коронационного альбома Анны Иоанновны, включая 70 руб. за расцвечивание 5 экземпляров каждой иллюстрации для императорской семьи. Цена

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 71. Л. 478, 495 об., 500.

² Там же. Д. 6. Л. 262.

³ Там же. Л. 273, 276.

за изготовление каждой гравюры была скрупулезно оценена только в академическом реестре, тогда как сенатские служащие предпочли оценить затраты на изготовление каждой гравюры по среднему значению в 2 руб. 10 коп. за экземпляр. Академия получила деньги из Штатс-конторы, а Штатс-контора впоследствии должна была компенсировать расходы после продажи книг¹.

Подводя итоги, следует отметить, что коронационный альбом Анны Иоанновны был издан внушительным тиражом в 1200 экз. на русском и немецком языках. Издание на французском языке не осуществлялось. Иллюстрации альбома, созданные граверами Академии наук, отразили главные моменты коронационной церемонии и впервые запечатлели коронационные императорские регалии как самостоятельную ценность. Работы по созданию коронационного альбома растянулись более чем на два года, но позволили накопить значительный опыт, учтенный впоследствии при создании коронационного альбома Елизаветы Петровны.

Литература

1. Алексеева М. А. Гравировальная палата Академии наук Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1968. С. 72–95.
2. Алексеева М. А. Новые биографические данные о художнике Оттомаре Эллигере Сообщения Государственного Русского музея. Вып. 10. М., 1974. С. 64–68.
3. Алексеева М. А. Изображение коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXVI. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. С. 232–240.
4. Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб. : Лениздат, 1994.
5. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М. : Молодая гвардия, 2004.
6. Блескина О. Н., Гаврилова О. А. История создания и проблемы реставрации рисунков Христофора Марселиуса : Теория и практика сохранения памятников культуры : сб. науч. тр. Вып. 19. СПб., 1998. С. 149–155.
7. Маркова Н. К. Об истории создания коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны Третьяковская галерея. 2011. № 1(30). С. 5–21.
8. Материалы для истории императорской Академии наук : в 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 1.
9. Материалы для истории императорской Академии наук : в 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 2.
10. Миролюбова Г. А. Гравировальная палата Академии наук // М. В. Ломоносов и елизаветинское время : каталог выставки. СПб. : издательство Государственного Эрмитажа, 2011. С. 334–340.
11. Описание коронации Ея Величества Императрицы и Самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году. М. : Типография при Сенате, 1730.
12. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895.
13. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800 в 5 т. М. : Издание Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1962–1975. Т. 2.
14. Стецкевич Е. С. Рисовальная палата Петербургской Академии наук (1724–1766). СПб. : Наука, 2011.
15. Тункина И. В. Уникальный памятник русской истории — коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1 М., 2005.

References

1. Alekseeva M. A. *Engraving chamber of Academy of Sciences* [Graviroval'naya palata Akademii nauk] Russian art of the XVIII century. Materials and researches [Russkoe iskusstvo XVIII veka. Materialy i issledovaniya]. M. 1968. P. 72–95.
2. Alekseeva M. A. *New biographic data on the artist Ottomar Elliger* [Novye biograficheskie dannye o khudozhnike Ottomare Elligere] Messages of the State Russian Museum [Soobshcheniya Gosudarstvennogo Russkogo muzeya]. V. 10. M. 1974. P. 64–68.

¹ СПФ АРАН, Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 249; Д. 942 Л. 208.

3. Alekseeva M. A. *Images of coronation and funeral ceremonies of the XVIII century. The published and unpublished albums* [Izobrazheniya koronatsionnykh i pogrebal'nykh tseremonii XVIII v. Izdannye i neizdannye al'bomy] Auxiliary historical disciplines [Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny]. V. XXVI. SPb. : Dmitry Bulanin, 1998. P. 232–240.
4. Anisimov E. V. *Russia without Pyotr: 1725–1740* [Rossiya bez Petra: 1725–1740]. SPb. : Lenizdat. 1994.
5. Anisimov E. V. *Anna Ioannovna* [Anna Ioannovna]. M. : Young Guard [Molodaya gvardiya]. 2004.
6. Bleskina O. N., Gavrilova O. A. *Istoriya of creation and problems of restoration of drawings of Hristofor Marselius* [Istoriya sozdaniya i problemy restavratsii risunkov Khristofora Marseliusa] Theory and practice of preservation of monuments of culture [Teoriya i praktika sokhraneniya pamyatnikov kul'tury]. V. 19. Collection of the Scientific works. SPb. 1998. P. 149–155.
7. Markova N. K. *About history of creation of a coronation album of the empress Elizabeth Petrovna* [Ob istorii sozdaniya koronatsionnogo al'boma imperatritsy Elizavety Petrovny] the Tretyakov gallery [Tret'yakovskaya galereya]. 2011. N 1 (30). P. 5–21.
8. *Materials for history of imperial Academy of Sciences* [Materialy dlya istorii imperatorskoi Akademii nauk]: in 10 v. SPb. 1885–1900. V. 1.
9. *Materials for history of imperial Academy of Sciences* [Materialy dlya istorii imperatorskoi Akademii nauk]: in 10 v. SPb. 1885–1900. V. 2.
10. Miroyubova G. A. *Engraving chamber of Academy of Sciences* [Graviroval'naya palata Akademii nauk] M. V. Lomonosov and Elizabethan time. Exhibition catalog [M. V. Lomonosov i elizavetinskoe vremya katalog vystavki]. SPb.: publishing house of the State Hermitage [izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha], 2011. P. 334–340.
11. *The description of crowning of Anna Ioannovna, solemnly held in a reigning hail Moscow, on April 28, 1730* [Opisanie koronatsii Eya Velichestva Imperatritsy i Samoderzhitsy vserossiiskoi, Anny Ioannovny, torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve, 28 aprelya 1730 godu]. M. : Printing house at the Senate [Tipografiya pri Senate]. 1730.
12. Rovinsky D. A. *Detailed dictionary of the Russian engravers of the XVI–XIX centuries* [Podrobnyi slovar' russkikh graverov XVI–XIX vv]. SPb., 1895.
13. *Summary catalog of the Russian book of the civil press of the XVIII century. 1725–1800* [Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka. 1725–1800] : in 5 v. M. : The edition of the State library of USSR of V. I. Lenin [Izdanie Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina], 1962–1975. V. 2.
14. Stetskevich E. S. *Drawing chamber of the Petersburg Academy of Sciences (1724–1766)* [Risoval'naya palata Peterburgskoi Akademii nauk (1724–1766)]. SPb. : Science [Nauka], 2011.
15. Tunkina I. V. *A unique monument of the Russian history — the Coronation album of the empress Elizabeth Petrovna* [Unikal'nyi pamyatnik russkoi istorii — koronatsionnyi al'bom imperatritsy Elizavety Petrovny] Messenger of history, literature, art [Vestnik istorii, literatury, iskusstva]. V. 1. M., 2005.